

25 янв 1933

Пегая лошадь остановилась

Письмо из Москвы

Ташкент. Правда Востока. 25/1 332.

Арестовали двух девочек. Дело было в Юго-Славии. Девочки вслух выражали сочувствие коммунистической партии. Это угрожало трону, конституции, армии...

Одной девочке 13 лет, другой — 8. Их бросили в тюрьму с разбойниками и бандитами, ворами и насильниками. Впрочем, скоро их выпустили.

Дело в том, что в Юго-Славии еще не выстроили специальной каторжной тюрьмы для восьмилетних. И куда девать этих мытых крошек — неизвестно...

Об этом мне рассказали дети из юбилей Московского театра юных зрителей. А они прочли это в своей газете «Пионерской правде».

У наших советских детей ведь есть своя газета, как есть свои дедушка, дяди, катки, вагоны трамвая, литература, сады, столовые.

И есть свой театр.

ТЮЗ — театр юного зрителя — только что отпраздновал пятилетний

юбилей. Пять лет, это, конечно, не так много. Это — детский возраст.

Однако, за свой короткий век театр пропустил 1.300.000 ребят. Уже одно это заслуживает внимания.

Театр всегда перешолнен. И если бы предоставить ему помещение в четыре раза больше, он, вероятно, и тогда был бы полон. Детям давно нужен свой театр, как товарщи и руководители.

Утренники для детей — это то же, что страницы вырванные из литературы для взрослых и приспособленные к детям. Это — литературные отходы. Нет, детям нужна своя детская литература, свой детский театр.

И вот пять лет назад в Москве на улице появилась пегая лошадь, которая везет фургон. На фургоне — пестрый, ярко расписанный ящик. А вокруг ящика — несколько закутаных в плащи, с кепками, выдвинутыми на глаза, загадочных дидей и детей.

Странно блестят глаза из под кеп-

ки, неистово румяны щеки, потрясающе черны брови, изумительно разнообразны носы.

Пегая лошадь медленно влечет по улицам свой фантастический груз...

Это и был первый театр юного зрителя.

Театр — фургон. Театр на колесах. У театра не было ни помещения — он играл на городских площадках, на бульварах, где придется, ни пьес — ставили одну-две пьесы собственно

го творчества, ни декораций, ни реквизита, ни костюмов, — все, что имело, возилось с собой в пестром ящике, на пегой лошади. Пегая лошадь, это был единственный реквизит этого странствующего по столице театра.

Но дети сами создали из этого фургона свой театр.

Зритель дошкольного и школьного возраста ловил по Москве место остановки фургона и становился в очередь:

— Это очередь на детский театр? — И за тобой!

И «за тобой» — таких в Москве оказалось 1.300.000. Пегой лошади пришлось остановиться и фургон с пестрым ящиком превратился в ТЮЗ.

Нет более отзывчивого зрителя, чем этот юный зритель. И более впечатлительного. И более строгого.

В анкете «о хорошем спектакле», которую провела одна из школ первой ступени, дети единогласно осудили условности, допускаемые в опере, особенно в старом оперном репертуаре.

— Она поет так громко, что на балконе слышно, а он делает вид, что не слышит, хоть и стоит около. Это ведь неправда.

Дети реалисты и правдолюбивы.

Когда во время хода действия в ТЮЗ'e герой пьесы отрицает совершенное им убийство, зрители кричат дружно со своих мест:

— Ты же врешь! Это же ты убил!

Дети создали себе театр. Затем они взялись за репертуар. Все, что при-

способлялось к ребячьему вкусу, что способствовало тому, что было рассчитано на дешевый эффект, безжалостно браковалось зрителем.

Одна пьеса провалилась потому, что действующее лицо — девочка говорила с матерью языком взрослого. Зритель возмущался.

— А когда его спросили, как ему понравилась, он деликатно, — зачем обижать дядю — автора, — ответил:

— Интересно. Только неправда.

Другие пьесы были встречены угрюмо — герои взрослые обижали героев — детей, а дети очень уж сентиментально жаловались зрителю.

И зритель отвечал:

— Мне этих ребят совсем даже не жалко.

Это был протест против тесно жалких монологов.

Детский зритель требовал в своем театре своего репертуара. Тогда и возникла детская драматургия. Авторы выполняли социальный заказ своего зрителя.

И сейчас мы уже ищем детскую драматургию.

Такие пьесы, как «Я — мало, мы — сила» не сходят с репертуара детских театров Союза.

Сампа Бельков, десятилетний сын московского слесаря, пишет об этой пьесе рецензию:

«Я сам знаю, что правда, когда я — мало, а мы все — сила. Но это хорошая пьеса, мне очень интересно об этом и показали, отчего так выходит. Мы — все ребята одобряем эту пьесу. А мы — сила».

Да, вы, дорогие, маленькие товарищи, большая сила.

И для вас, ради вас, вашей волей пегая лошадь с фургоном остановилась и фургон вырос в театр юного зрителя.

Театру всего 5 лет.

Но ведь есть среди его зрителей также, которые не старше своего театра.

3. ГАРД.